

© 2007 г. М. Ю. СМОЛИНА

**ИМПЛИКАТИВНЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГРАММЕМ:
ДЕТЕРМИНАЦИЯ, ЛИЧНОСТЬ, ПАДЕЖ И ЧИСЛО**
(на материале старокрымского диалекта урумского языка)

В статье дается пример описания сложной языковой ситуации, когда несколько грамматических категорий, имплицитно применяющих друг друга, и вследствие этого нуждающихся в представлении их как единой системы, а не в отдельном рассмотрении. Использование понятия имплицитной реализации позволяет выявить четкий алгоритм, по которому язык «конструирует» словоформу. Данный метод позволяет описывать сложную грамматическую ситуацию, не изменяя определений грамматических категорий и не отступая от понятия обязательности грамматической категории. Метод, примененный для урумского языка, может оказаться эффективным также для других языков, имеющих сходные грамматические системы.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Понятия имплицитной реализации граммем и имплицитной категории на сегодняшний день еще не укоренились в лингвистическом обиходе. Впервые использованные В.А. Плуниным в его статье «К проблеме морфологического нуля» и позже в книге «Общая морфология: Введение в проблематику» [Плунин 1994; 2000], они по-прежнему редко упоминаются в современных работах и практически не применяются при описании соответствующих языковых явлений. Между тем последовательное применение понятия имплицитной реализации может помочь с решением ряда проблем, которые ставят перед исследователем языка, на первый взгляд «нарушающие» классические представления о языковой грамматике – в частности, об обязательности грамматических категорий.

Эта работа опирается на данные урумского языка, относящегося к тюркской семье, на сегодняшний день практически не описанного. На этом языке говорят некоторые группы этнических греков, проживающих в Приазовье на территории Украины. Сколько-нибудь полных грамматик данного языка до сих пор не существует, и исследование базируется в основном на материалах, собранных рядом лингвистических экспедиций в Приазовье, организованных филологическим факультетом СПбГУ (с 2003 по 2005 гг.), а также на материалах, собранных и опубликованных О.М. Гаркавцом [Гаркавец 1999; 2000]. По своему грамматическому строю этот язык является типичным тюркским языком и обладает рядом как кыпчакских, так и огузских черт, хотя рассматриваемый диалект максимально близок к огузским. Соответственно, урумский язык сталкивает исследователя с проблемами, хорошо известными в тюркологии и в течение долгого времени связанными с серьезными и трудноразрешимыми спорами. В данной работе предполагается показать, как применение сравнительно новых теоретических находок позволяет решать подобные задачи, сохраняя строгую формальность грамматического описания и не изобретая новых, «уникальных» для данного языка явлений. В.А. Плунин в своем описании имплицитных категорий как явления предполагал необходимость введения этого понятия именно по отношению к падежной системе тюркских языков, также пользуясь данными хорошо изученного турецкого языка [Плунин 2000: 137].

Имплицитными категориями называются такие категории, определенные значения которых могут блокировать употребление граммем других категорий [Плунгян 2000: 136]. Данное определение изначально применяется к системам наподобие русского глагола, где категория времени имплицитно указывает наличие/отсутствие граммем категорий лица и рода. Необходимость использования понятия имплицитной реализации в таких случаях связана с проблемой обязательности грамматической категории: блокирование показателем одной категории значением другой не делает первую категорию «необязательной» в прямом смысле этого слова, делая лишь ее выражение «невозможным» в определенных контекстах.

В тюркологии понятие имплицитной реализации не используется ни в традиционных грамматиках [Кононов 1941; Баскаков 1979], ни в современных грамматических работах [Тенишев 2002; ЯМ 1997] и др. Между тем существует ряд грамматических проблем, которые давно представляют трудности при описании тюркских языков с применением традиционного подхода. В таких случаях часто делаются заявления, что некие грамматические категории в тюркских языках не обязательны и что обязательность не является в таких языках непременным условием грамматичности. Именно эти проблемы могут быть эффективно решены путем применения понятия имплицитной реализации. Здесь дается пример подобного подхода к описанию урумского языка на примере соотношения именных категорий детерминации, падежа и числа.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Описание падежной системы в тюркских языках неизменно сталкивается с определенными трудностями. Давно замечено, что при наличии вроде бы развитой системы падежей распространены случаи, когда при видимой необходимости определенного падежного показателя (обычно родительного или винительного падежа) таковой отсутствует, и вместо него имя употребляется в форме, лишенной каких-либо падежных маркировок, которая морфологически совпадает с именительным/основным падежом.

Решения этой проблемы предлагались различные. Традиционные грамматики стремились не выходить за рамки классического представления о падежах, но вынуждены были переименовывать именительный падеж в «неоформленный», приписывая ему целый ряд разнотипных значений и функций. Так, в грамматике турецкого языка А.Н. Кононова [Кононов 1941: 280–282] описывается «неоформленный падеж», причем значение данной грамматической формы включает в себя элементы собственно падежного синтаксического значения («соответствует подлежащему», «сказуемому»), так и описания через термины детерминации («соответствуя русскому винительному падежу», когда «объектом является предмет неопределенный») [Кононов 1941: 280]. Все рассматриваемые им случаи перечислять нет необходимости; ключевым моментом здесь является характеристика формы при помощи двух типов значений – связанных с синтаксисом и связанных с детерминацией.

На связанность падежной системы тюркских языков с детерминацией обращали внимание многие авторы и давали этому различную трактовку. Стремление рассматривать неопределенную форму имени как падеж породило термин *casus indefinitus*, что предполагает встраивание ее в падежную парадигму на равных правах с прочими падежными формами. Однако подобное слияние падежных и детерминативных значений в результате чрезвычайно усложнило описание каждого падежа. Согласно «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» 1986 г., «винительный падеж маркирует объект и его определенность» [Серебренников, Гаджиева 1986: 76]. В статье Б. Нилсона [Нилсон 1987] разбирается тема связи падежного оформления как с определенностью, так и с референтностью имени, что дает в целом картину сильно сходную с урумской; последняя еще будет рассмотрена в данной статье и представляется несколько более сложной, чем турецкая. О том, что в позиции объекта турецкий язык, равно как и ряд других, последовательно различает специфично- и неспецифично-неопределенные (*spe-*

cific/nonspecific) имена, отражая это в падежном маркировании, упоминается также в [Енç 1991].

Очень похожа характеристика родительного падежа в «Принципах описания языков мира»: «Родительный падеж в тюркских языках имеет артиклевую функцию» [ПОЯМ 1976: 46]. Именно при анализе родительного и винительного падежей возникало больше всего сложностей; что касается основного падежа (неоформленного), то его значение получалось столь расплывчатым, что возникали объяснимые сомнения в том, что он является падежом вообще и что ему следует приписывать значимый нулевой показатель [Гузов, Насилов 1981: 29]. В зарубежной лингвистике можно также встретить термин «*caseless form*» ('беспадежная форма' – см., в частности, [Knecht 1985]), относящийся к любым безаффиксным употреблением имени. При таком подходе предполагается отсутствие в системе именительного падежа как такового, а 'беспадежная форма' оказывается нагружена множеством не связанных между собой функций.

Эту ситуацию можно сопоставить с данными других языков, обнаруживающими порой сходные явления. Так, при описании испанского языка иногда говорят о номинативном или аккузативном маркировании объекта (используя понимание падежа в широком смысле), зависящим от его определенности и одушевленности [Moravcsik 1978], как в следующих примерах:

- a. *el chico ve la nieve*
DEF.NOM¹ мальчик видит DEF.NOM снег
'Мальчик видит снег'
- b. *el chico ve a esa chica*
DEF.NOM мальчик видит ACC эта девочка
'Мальчик видит эту девочку' (по [Moravcsik 1978: 273]).

К расширенному пониманию падежного маркирования при подобных сопоставлениях следует относиться с некоторой осторожностью, однако они ясно показывают, как другие языки иногда выявляют прочную связь между актантной семантикой (объекта), детерминацией и одушевленностью.

Эта же связь, без расширения трактовки категории падежа, описывается и в других работах, посвященных маркированию объекта в испанском языке. Именно на базе этого языка был написан ряд работ, в том числе ключевых, посвященных падежному маркированию, таких как [Aissen 2003; Bossong 1985; 1991; Rodriguez-Mondonedo 2006]. Именно Боссонг в своих работах ввел в лингвистический обиход термин «*differential object marking*», позволяющий, в частности, избежать самого упоминания морфологической категории падежа и описывать языковые явления в первую очередь с позиций синтаксиса, что отражает в целом тенденции западной лингвистики.

Связь между детерминацией и одушевленностью уже обнаруживалась исследователями в различных языках. Так, в хинди наблюдается ситуация, когда имена-лица (люди) в позиции объекта получают обязательное аккузативное оформление, а не-лица факультативно маркируются только в случае интерпретации их как определенных [Mohan 1990]:

¹ Условные обозначения, принятые в статье: 1, 2, 3 – обозначение лица (напр. POS2SG – посессив второго лица единственного числа); ACC – аккузатив (винительный падеж); DAT – датив-директив (дательно-направительный падеж); DEF – определенность; ERG – эргатив; GEN – генитив (родительный падеж); IMPER – императив (повелительное наклонение); IND – неоформленное имя (*casus indefinitus*); INF – инфинитив (неопределенная форма глагола); LOC – локатив (местный падеж); NEG – отрицание; NOM – номинатив (именительный падеж); PART – причастие; PAST – простое прошедшее время; PEV – прошедшее время (косвенная эвиденциальность); PL – множественное число; POS – посессивность (притяжательность); PROG – прогрессивно-хабитуально-итеративный показатель; PRS – настоящее время; SG – единственное число.

a.	<i>Ilaa-ne</i>	<i>bacce- ko/*baccaa</i>	<i>uthaayaa.</i>
	Ила-ERG	child-ACC/child.NOM	lift-PAST
	'Ила lifted the/a child'.		
b.	<i>Ilaa-ne</i>	<i>haar</i>	<i>uthaayaa.</i>
	Ила- ERG	necklace. NOM	lift-PAST
	'Ила lifted the/a necklace'.		
c.	<i>Ilaa-ne</i>	<i>haar-ko</i>	<i>uthaayaa.</i>
	Ила- ERG	necklace-ACC	lift-PAST
	'Ила lifted the/*a necklace'.		

Следует обратить внимание на то, что немаркированный объект в этой интерпретации глоссируется как номинатив, то есть оказывается фактически в том же странном статусе «именительного + неопределенного» падежа, что и в грамматике [Кононов 1941].

Наиболее интересно рассмотрена проблема тюркской падежной системы в работе И.А. Муравьевой, посвященной инкорпорации [Муравьева 2004]. Автор указывает, что тюркская «конструкция с неоформленным именем... походит на аналитический инкорпоративный комплекс. Однако, в отличие от аналитической инкорпорации, главный компонент такой конструкции оформлен средствами, характерными для отдельного члена предложения» [Муравьева 2004: 180]. Рассматривая ситуации, когда неоформленное имя употребляется «вместо» падежных форм (чаще всего аккузатива и генитива, реже – других падежей), в основном на материале турецкого языка, она приходит к выводу, что семантика неоформленного имени связана с идентифицируемостью/неидентифицируемостью объекта (с. 212), и выделяет несколько типов определенности, которые обеспечивают индивидуализацию объекта (и, следовательно, употребление имени в падежных формах): 1) ситуативная определенность 2) анафорическая определенность и 3) ассоциативная определенность (там же). Там же производится попытка разграничить собственно именительный падеж и немаркированную форму имени при помощи специфических синтаксических критериев, работающих для турецкого языка.

В общем случае мы получаем следующие варианты решения проблемы, каждый из которых имеет свои недостатки:

1) Рассматривать «неоформленное имя» всегда как именительный/основный падеж. В этом случае возникает проблема описания его «падежного» значения и необходимость определять, по какому принципу выбирается в схожих контекстах тот или иной падеж (например, родительный или основный в определительных сочетаниях).

2) Рассматривать ряд случаев употребления неоформленного имени в позиции определения как конверсию (в прилагательное). Это является удачным решением для словосочетаний типа урумских:

<i>eradam</i>	<i>urba-sy</i>
мужчина(IND)	одежда-POS3(NOMSG)
'мужская одежда',	

но не объясняет положения с аккузативом или более редкие осложнения с другими падежами тюркских языков.

3) Рассматривать сочетания с неоформленным именем в позиции дополнения как своеобразную инкорпорацию [Муравьева 2004: 194–197]. Проблема при этом состоит, как указывает И.А. Муравьева, в значительной синтаксической независимости «инкорпорируемого» элемента.

4) Наконец, рассматривать «неоформленное» имя и падежную систему в целом как результат пересечения двух грамматических категорий (а не репрезентацию только одной, падежной категории). Подобное решение ниже будет рассматриваться подробнее.

В урумском языке мы имеем ситуацию, когда при нереферентном употреблении имени в различных синтаксических функциях используется так называемое неоформленное имя – форма, не имеющая показателей падежа и числа и всегда совпадающая в плане выражения с основным (или именительным) падежом единственного числа, имеющим нулевой показатель:

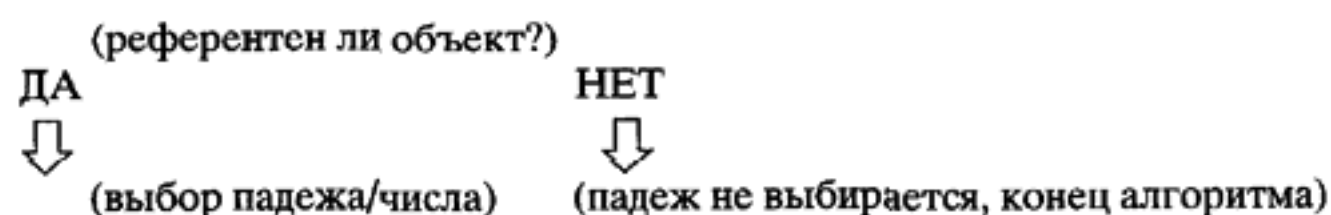
- (1) *xary-lar-y* *doŋru-j-miř* *tek* *xuz* *bala*
 жена-PL-POS3(NOM) родить-PROG-PEV только девушка(IND) ребенок(IND)
 ‘Его жены рожали только девочек’.

При референтном ~ и определенном, если брать пример (2), – употреблении имя приобретает аффиксы числа и падежа:

- (2) *Taxum* *xuz* *bal-lar-y* *da öldr-öj-ler-miř*
 Весь девушка(IND) ребенок-PL-ACC и убивать-PROG-3PL-PEV
 ‘Всех же девочек убивали’.

Вместо того чтобы включать в падеж «артиклевую функцию», предлагается описывать подобную совмещенность значений несколько иначе: не падеж «включает» в себя определенность или референтность, а наличие падежного показателя. При этом категория детерминации будет являться имплицитующей для категории падежа; при одном ее значении категория падежа реализуется, при другом – нет. В этом случае оказывается ненужным менять наши представления о категории падежа, которая сама по себе сохраняет вполне привычные значения и особенности. Вместо этого предполагается наличие в языке еще одной бинарной категории, которая не имеет «собственных» аффиксов или синтаксических показателей, но является при этом имплицитующей для другой грамматической категории и через нее имеет формальное выражение на уровне морфологии.

Если представить себе эту часть системы как алгоритм порождения речи, можно получить следующий алгоритм получения именной формы:

После этого остаются еще две непростые задачи: во-первых, определить, какие значения оказываются у категории детерминации в урумском языке (референтность/нереферентность, определенность/неопределенность или нечто другое); во-вторых, объяснить регулярность противопоставления этих значений в одних синтаксических позициях (прямое дополнение, определение – позиции родительного и винительного падежей) и редкость/невозможность подобного явления в иных случаях (косвенные дополнения, обстоятельства).

Все контексты, в которых встречается неоформленное имя, можно разделить на две группы:

1) контексты, где реализуется противопоставление оформленного и неоформленного имени (как в примерах (1) и (2)) и которые следует считать диагностическими при определении значения категории;

2) контексты, которые всегда требуют неоформленного имени и в которых оно не противопоставлено падежным формам; в них имеет место формальная сочетаемость, и говорить о специфическом значении неоформленности можно лишь в историческом плане. Эти случаи, однако, усложняют разграничение неоформленности и именительного падежа.

Первая группа контекстов, как показывает анализ материала, обеспечивает различие по оси «определенность – неопределенность», причем специфическая и неспецифическая неопределенность (они же – референтная и нереферентная неопределенность) ведут себя по-разному с именами, относящимися к категориям «лиц» и «не-лиц» (что позволяет выделить еще одну имплицитную категорию урумского языка).

В данной работе используются следующие определения определенности/неопределенности и специфической/неспецифической неопределенности (по работе [Николаева 1990: 349]): определенность – демонстрация единственности имени в описываемой ситуации; неопределенность – выражение отношения имени к классу подобных ему феноменов; специфическая неопределенность – референтное, т.е. соотносящееся с денотатом употребление неопределенного имени (*Я вчера купил ручку*); неспецифическая неопределенность – нереферентное употребление неопределенного имени (*Хочется купить ручку*).

Пользуясь этими определениями, можно выделить три группы контекстов, отражающие указанные прагматические значения различным оформлением имени:

1) **Определенность.** Всегда выражается наличием показателя падеж/число:

- (3) *Tilt'i d'eli-j jene juzum al-maja juxyl-yj*
 Лиса(NOM) прийти-PRS(3SG) снова виноград(IND) красть-INF падать-PRS(3SG)
suxur-un iç-n-e Adam tilt'i-ji tuta-j
 яма-GEN нутро-POS3-DAT. Человек(NOM) лиса-ACC хватать-PRS(3SG)
 'Лиса приходит опять красть виноград – падает в яму. Человек хватается лису'.

Сюда же следует отнести те типы специфической неопределенности, когда формально «новый» объект в действительности вводится катафорически (указывается или предполагается предшествующим контекстом). В этом случае имя уже в первом своем употреблении является определенным и, соответственно, оформленным.

- (4) *Biz-im paduša-myz zend'in altyn-y cox Ƴrabarka-sy*
 мы-GEN падишах-POS1PL(NOM) богатый золото-POS3 много лопата-POS3
jox altyn ölçe-meje.
 нет золото(IND) мерить-INF
 'Наш падишах богатый, у него денег много, нет лопаты(чтобы) золото мерить'.
Paduša veri-j on-a Ƴrabarka-ju.
 Падишах(NOM) давать-PRS(3SG) он-DAT лопату-ACC
 'Падишах дает ей лопату'.

Определенными являются все имена, имеющие при себе указательное местоимение или квантор всеобщности в роли определения (*bu-* 'этот', *d'endi* – 'собственный', *taxut* 'весь, все' и др.):

- (5) *P'et'a ara-j d'endi at-yn-y*
 Петя(NOM) искать-PRS(3SG) сам(IND) лошадь-POS3-ACC
 'Петя ищет свою лошадь'.

Личные и субстантивированные указательные местоимения всегда являются определенными:

- (6) *on-u alma-dy-lar tut'angi tut'an-a*
 она-ACC брать-NEG-PAST-3PL продавец(IND) магазин
 'Ее не взяли продавцом в магазин'.

2) **Специфическая неопределенность.** Специфические неопределенные имена ведут себя по-разному в зависимости от значения категории личности. «Лица» всегда имеют аккузативное оформление:

- (7) *čur-yj-lar* *ğadu-ju*
Звать-PRS-3PL ведьма-ACC
'Зовут ведьму' (введение нового лица в повествовании).

- (8) *men* *bili-j-im* *tek* *bir* *Marus'a-ju*
я(NOM) знать-PRS-1SG только один Маруся-ACC
'Я знаю только одну Марусю'.

«Не-лица» всегда выступают в виде неоформленного имени:

- (9) *Son-n-a* *bu* *adam* *xaza-j* *deren* *čuxur*
конец-POS3-LOC этот человек(NOM) копать-PRS(3SG) глубокий яма(IND)
'Наконец, человек выкапывает глубокую яму'.

- (10) *Jol-da* *d'el-dik-te* *jyrtyx* *čekmen* *tapa-j*
дорога-LOC идти-PART-LOC рваный плащ(IND) находить-PRS(3SG)
'На проезжей дороге (она) находит рваный плащ'.

Особую сложность представляют названия животных. В нормальных случаях животные рассматриваются как не-лица и не имеют аккузативного оформления:

- (11) *men* *daγ-da* *gör-dü-m* *ajuv*
Я(NOM) лес-LOC видеть-PAST-1SG медведь(IND)
'Я видела в лесу медведя'.

Однако, по-видимому, в определенных ситуациях (например, сказочных) животные могут «олицетворяться» и грамматически вести себя как обозначения лиц:

- (12) *o* *gör-dü* *tilt'i-ji* *da ajuv-u* *da ğanavar-u da*
он(NOM) видеть-PAST(3SG) лиса-ACC и медведь-ACC и волк-ACC и
'Он увидел лису, медведя и волка'.

Наконец, названия детенышей животных (являющиеся сложными словами/слово-сцеплениями с главным компонентом *-bala*) ведут себя как «лица», что, по-видимому, вызвано особенностями компонента *-bala*, который в независимом употреблении означает «ребенок» и является именем-«лицом»:

- (13) *men* *daγ-da* *gör-dü-m* *aju-bala-syn-u*
Я(NOM) лес-LOC видеть-PAST-1SG медведь-ребенок-POS3-ACC
'Я видела в лесу медвежонка'.

3) **Неспецифическая неопределенность.** Как и при специфической неопределенности, не-лица всегда имеют в этом случае неоформленный вид; имена-лица же могут иметь показатели падежа или же оставаться неоформленными, причем оформленность более частотна:

Н е - л и ц а:

- (14) *čoçxa* *tut-ma-j* *syčan*
свинья(NOM) ловить-NEG-PRS(3SG) мышь(IND)
'Свинья не ловит мышей'.

- (15) *taxym-y gül-ej on'n'a-j-lar türkü sole-j-ler*
 Все-POS3 смеяться-PRS(3SG) плясать-PRS-3PL **песня(IND)** **петь-PRS-3PL**
 'Все они смеются, пляшут, песни поют'.

- (16) *t'edi-ler seve-j-ler süt*
 кошка-PL(NOM) любить-PRS-3PL **молоко(IND)**
 'Кошки любят молоко'.

Лица:

- (17) *taxym eradam-nar oγul-lar-y ste-j-ler*
 весь мужчина-PL(NOM) **сын-PL-ACC** **хотеть-PRS-3PL**
 'Все мужчины хотят (иметь) сына'.

Однако при этом пример (1) являет собой случай употребления имени-лица в неопределенной форме:

- (1) *xary-lar-y doγru-j-muš tek xyz bala*
 жена-PL-POS3(NOM) родить-PROG-PEV только девушка(IND) **ребенок(IND)**
 'Его жены рожали только девочек'.

Отрицательные, неопределенные, вопросительные и относительные местоимения всегда рассматриваются как случаи неспецифической неопределенности:

- (19) *xyz pišij söle-me-j*
 Девушка **ничто(IND)** говорить-NEG-PRS(3SG)
 'Девушка ничего не говорит'.

- (20) *men-im öle xuvat-ym var men ne söle-di-m*
 Я-GEN такой сила-POS3(NOM) имеется(PRS) я(NOM) **что(IND)** сказать-PAST-1SG
o = da ol-uj
 тот(NOM)=и быть-PRS(3SG)
 'У меня такая сила есть: что я сказал, то и случается'.

Особым случаем неспецифической неопределенности могут служить различные устойчивые выражения с глаголами с семантикой «делать», «создавать» и т.д., неоформленное дополнение при которых создает фактически новую лексему с идиоматическим значением. В словаре О. Гаркавца такие сочетания часто рассматриваются как цельнооформленные слова; так, сочетание *laf* ('слово') + *et-* ('делать'), несмотря на двударность сочетания и отсутствие сингармонизма, рассматривается как единый глагол 'разговаривать'. Сходными характеристиками обладает и сочетание *jardym et-* со значением 'помогать'.

- (21) *xač jyl pekle-di-m allax man-a jardym et-ti*
 Сколько год(IND) ждать-PAST-1SG бог я-DAT **помощь(IND)** **делать-PAST(3SG)**
 'Сколько лет я ждал, бог мне помог'.

К неспецифической неопределенности следует также отнести изафетные словосочетания первого и второго типов, где именное определение выступает в неоформленном виде:

- (изафет 1-го типа)
 (22) *on-u lazum altyn alxa-ja joll-maja*
 Он-ACC надо **золото(IND)** кольцо-DAT послать-INF
 'Его надо послать за золотым кольцом'.

(изафет 2-го типа)

- (23) *d' ez-meje* *basla-dy* *d' ijdri-ij-ler* *eradam*
Ходить-INF начать-PAST(3SG) одевать-PRS-3PL мужчина(IND)
urba-sy *bas-n-y* *xyrxa-j-lar*
одежда-POS3(NOM) голова-POS3-ACC стричь-PRS-3PL
'Начал (ребенок) ходить – его одевают в мужскую одежду, стригут голову'.

Вторая группа контекстов строго требует неоформленности, и в них нейтрализуются любые противопоставления, связанные с этой формой:

1) С л о в о с ц е п л е н и е.

Имя выступает неоформленным в сочетаниях, когда оно является приложением (часто идиоматически устойчивым) к другому имени:

- (24) *oğa* *nene* *de-di*
Госпожа(IND) бабушка(NOM) сказать-PAST(3SG)
'Уважаемая старушка сказала...'

- (25) *Men* *daa* *xuz* *bala-jdy-m*
Я(NOM) еще девушка(IND) ребенок-PAST-1SG
'Я была еще девочкой'.

- (26) *taş* *xora-nyn* *bojna* *çek-ti-ler* *jyp*
камень(IND) ограда-GEN вдоль-Pos3-LOC тянуть-PAST-3PL веревка(IND)
'Вдоль ташхоры (=каменной ограды) протянули веревку'.

Существует проблема, связанная с рассмотрением подобных сочетаний: они обладают чертами, сближающими их и со словосочетаниями, и со сложными словами. Так, в словаре О. Гаркавца [Гаркавец 2000] ни одно из этих сочетаний не дано в качестве отдельной статьи (сочетание *taş + xora*, однако, неизменно определяется носителями языка как «одно слово»). Лёгкость этимологизации элементов и способность выступать в роли самостоятельных слов нередко ведет к исключению подобных сочетаний из словаря, однако такие черты первого элемента сочетания, как неспособность образовывать внешние связи (морфологические и синтаксические) и неспособность менять позицию по отношению ко второму элементу, явным образом соответствуют критериям объединения в одно слово (о критериях выделения слова см. [Касевич 1988: 163–164]).

Целесообразно в таких случаях использовать термины «словостяжение» или «словосцепление», применяемые иногда для японского и немецкого языков. Согласно определению В.Б. Касевича, словосцепления «состоят из знаменательных элементов и также обнаруживают определенную промежуточность по отношению к сложным словам и свободным словосочетаниям»; например, в японском языке они «в целом удовлетворяют формальным признакам сложных слов, но отличаются от них возможностью самостоятельных дистантных связей своих компонентов, что принимает вид либо вынесения за скобки (заклучения в скобки), либо вступления компонента в грамматическую связь с «внешним» по отношению к сочетанию словом» [Касевич 1988: 166].

Наиболее надежным критерием различения таких квазислов и сложных слов является их (квазислов, словосцеплений) «потенциальная способность вынесения за скобки одного из компонентов или заключения в скобки двух (и более)». В имеющемся корпусе текстов, однако, не зафиксировано ни одного случая вынесения за скобки/заключения в скобки одного из компонентов подобных образований, что позволяет предположить (пусть и не строго доказать) их лексический статус.

2) В ы н е с е н и е з а с к о б к и.

- (27) *al-ynyž* *davul* *zurna* *dare* *saz*
брат-IMPER2PL барабан(IND) зурна(IND) бубен(IND) саз(IND)

Явление вынесения за скобки в языках алтайского типа хорошо известно; из этого также может делаться вывод о специфической природе аффиксов в таких языках. По В.Б. Касевичу, «будучи вынесены за скобки, они могут отделяться от непоследних знаменательных элементов вставками, которые удовлетворяют условиям... обнаружения служебных слов» [Касевич 1988: 147], и это означает, что «налицо... промежуточный, смешанный характер показателей, которые традиционно считаются агглютинативными аффиксами» [Касевич 1988: 148].

Можно, однако, рассматривать подобные случаи в несколько иной плоскости: не аффиксы оказываются подобными служебным словам, а данная синтаксическая структура требует употребления неоформленного имени (*sic!*), позволяющего избежать дублирования морфологически нагруженной формы, представленной только последним из однородных членов. Подобный подход снимает необходимость ставить под сомнение аффиксальный статус вынесенных за скобки элементов и в целом соответствует типичной для тюркского языка стратегии избежания морфологических повторов. Другой аналогичный пример подобной стратегии в урумском языке: отсутствие маркера множественного числа в личных глагольных формах при наличии его в подлежащем:

- (28) *Šte, xuš-lar* *uŋa-j*
 вон птица-PL(NOM) лететь-PRS(3SG)
 ‘Вон, птицы летят!’

ОГРАНИЧЕНИЯ НА ВЫРАЖЕНИЕ ДЕТЕРМИНАЦИИ

Еще одна проблема связана с наличием противопоставления неоформленного имени с формами только двух падежей – генитива и аккузатива. В имеющемся урумском материале мы имеем только такие противопоставления; если подобный способ выражения прагматических значений и возможен в случае других падежных форм, он во всяком случае должен быть чрезвычайно редок.

Здесь следует заметить, что подобные ограничения, помимо всего прочего, усложняют типологическое рассмотрение категории детерминации в исследуемом языке. В частности, оказывается невозможным применить напрямую метод картирования «mapping» [Givón 1978], где для построения стандартизированной круговой карты требуется информация о показателях детерминации для имени в различных синтаксических позициях. Поскольку детерминация в урумском языке не находит формального выражения в предикативных формах имени и ее выявление затруднено в позиции субъекта, удаление двух из шести позиций в круговой схеме делает ее построение бессмысленным.

Подобная ситуация в урумском языке не уникальна, и здесь снова можно обратиться к работе И.А. Муравьевой, где рассматривалось функционирование неоформленного имени в турецком языке. Ее анализ показывает, что данное противопоставление существует для всех шести падежей турецкого языка (включая даже номинатив, где это противопоставление можно выявить по синтаксическим критериям), однако в дативе, локативе и аблативе оно чрезвычайно редко реализуется (что может привести к сомнениям в его грамматическом статусе, поскольку оно оказывается в этих случаях необлигаторным). Ключевыми же падежами, где маркируется прагматический статус имени, оказываются только генитив и аккузатив. Это совпадает и с данными других исследователей (ср. [Кононов 1941; Тенишев 1997; Серебренников, Гаджиева 1986]), указывавших на различие прагматического статуса имени только в случае генитива и аккузатива.

Эти данные приводят к мысли о том, что ядерные падежи ведут себя в этом плане несколько иначе, чем периферийные. Подобное явление отмечалось не только для тюрк-

ских языков (за примерами можно обратиться к работам К.И. Позднякова [Поздняков 2001; 2005]). В них рассматривается проблема кумулятивных знаков, когда за морфами одних категорий закрепляются классифицирующие значения других и разбираются такие случаи, как русская система падежей, где в некоторых формах могут выражаться собирательность одушевленных имен, одушевленность, вещественно-собирательное значение и т.д., причем представлено такое противопоставление может быть только в части падежей или в одном падеже.

К.И. Поздняков показывает, что противопоставления по «второй» категории, даже такой значимой для русского языка, как грамматический род, имеют выражение не во всех членах первой, и что вероятность их нейтрализации зависит от маркированности данного члена парадигмы «первой» категории. В его формулировке, «если знак (в нашем случае морфема) одновременно входит в две или более парадигмы, т. е. является кумулятивным знаком, то между этими парадигмами устанавливаются определенные отношения – наиболее «активная» словоизменительная форма в одной парадигме (маркированная в наибольшем числе оппозиций) является наименее активной в другой парадигме (нейтрализуется в наибольшем числе оппозиций)» [Поздняков 2005: 8]. Для иллюстрации этой концепции можно привести его схему, показывающую зависимость нейтрализаций от маркированности в случае русских падежа и рода (данные суммарные для единственного и множественного числа):

Маркированность
(в оппозициях по падежу)
В. одушевл. ++

↑
И. → В. + → Р. ++
↓ ↓ ↓
Т. + → Д. ++ → П. ++

Число нейтрализаций
(в оппозициях по роду)
В. одушевл. – 1/6

↑
И.-1/6 → В.-1/6 → Р.-2/6
↓ ↓ ↓
Т.-4/6 → Д.-4/6 → П.-6/6

Плюсами здесь отмечена степень маркированности падежа в системе (о маркированности падежей см. [Якобсон 1985]); знаменатель дроби показывает, сколько нейтрализаций по роду возможно для данной формы, числитель – сколько их в действительности реализуется, т.е. как часто отсутствует противопоставление по роду. По схеме видно, что ядерные падежи (именительный, винительный, родительный) чаще допускают противопоставление выражаемой кумулятивно с ними категории рода, в то время как периферийные склонны к нейтрализации родовых оппозиций. Пользуясь снова словами К.И. Позднякова, можно сказать, что «чем важнее знак для одной категории, тем меньше он “работает” на другую» [Поздняков 2005: 9].

Об избежании «нагромождения маркированных граммем» писал и И.А. Мельчук: «Наличие нескольких маркированных граммем в словоформе, как правило, избегается» [Мельчук 1998: 27]. В его трактовке оппозиции маркированности/немаркированности предполагалась «связь этой оппозиции со способом фиксации языковых единиц в сознании носителя языка: единица, содержащая немаркированную граммему, хранится в памяти непосредственно, тогда как ее коррелят, содержащий маркированную граммему, непосредственно не хранится, а при необходимости образуется путем применения определенных правил» [Мельчук 1998: 28]. Поскольку эта трактовка выводит вопрос за рамки собственно дескриптивного описания в область психолингвистики, в данной работе не предполагается объяснять глубинные причины этого явления; достаточной будет формулировка «закона маркированности» К.И. Позднякова. Если применить эту схему к урумскому языку, то легко можно разделить все урумские падежи на две группы: ядерные падежи (номинатив, генитив, аккузатив), где следует ожидать максимального возможного противопоставления в случае наличия любых кумулятивных категорий, и периферийные (все остальные, а именно датив, локатив, аблатив, комитатив, абессив, терминатив), где следует ожидать максимального количества нейтрализаций. Именно

это явление и наблюдается в случае категории детерминации: аккузатив и генитив различают прагматический статус имени, в остальных падежах прагматические противопоставления нейтрализуются.

Сложнее описывать ситуацию с номинативом, поскольку на морфологическом уровне неоформленное имя и именительный падеж не различаются. Предложенные И.А. Муравьевой синтаксические критерии разграничения работают для турецкого языка, но для урумского с его несколько более свободным порядком слов могут оказаться неактуальными; усложняет анализ и недостаточность материала, поскольку для применения соответствующих синтаксических критериев требуется корпус связных текстов, позволяющий провести анализ анафорических отношений. Здесь предлагается пользоваться другим способом разграничения номинатива и неоформленного имени: неоформленность блокирует не только выражение категории падежа, но также и выражение числа и притяжательности. Поэтому все формы, где присутствует показатель множественного числа (-lAr) и/или один из показателей притяжательности, здесь будут рассматриваться как именительный падеж; случаи употребления имени без каких-либо морфологических показателей представляют собой проблему, не разрешимую при работе с отдельными, вырванными из контекста примерами, но применение трансформаций (например, тест на возможность множественного числа) должно показывать, требует ли данный синтаксический контекст именительного падежа или же неоформленного имени.

О правомерности применения метода трансформаций для подобного анализа писал, в частности, В.Б. Касевич [Касевич 1988: 118–119]. Трансформации в целом признаются в качестве возможного исследовательского приема, с той оговоркой, что при использовании трансформаций «речь должна идти об установлении таких свойств конструкций, которые определяют их функционирование, что и отражается лингвистическим описанием» [Касевич 1988: 119].

Применяя метод трансформаций, можно увидеть, что типичная позиция подлежащего допускает множественное число имени:

- (29) *o* *otru-j*
он(NOM) сидеть-PRS(3SG)
 'Он сидит'.
- (30) *o-lar* *otru-j-lar* (или *otru-j*)
о-PL(NOM) сидеть-PRS-PL (или сидеть-PRS)
 'Они сидят'.

Соответственно, *o* ('он') в примере (29) рассматривается как именительный падеж. В сочетании же с послелогом *d'ibik* множественное число невозможно, что видно при трансформации:

- (31) *o görün-üj* *bala* *d'ibik*
 он выглядеть-PRS ребенок (IND) как
 'Он выглядит совсем еще ребенком'.
- (32) *o-lar* *görün-üj-ler* *bala* *d'ibik*
 он-PL выглядят-PRS-3PL ребенок как
 'Они выглядят совсем еще детьми'.

При невозможности:

- (33) *o-lar* *görün-üj-ler* **ballar* *d'ibik*
 он-PL выглядеть-PRS-3PL ребенок-PL как
 'Они выглядят совсем еще детьми'.

бранной выше методики, и можно выразить надежду, что исследования в этом направлении еще будут проведены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баскаков 1979 – *Н.А. Баскаков*. Историко-типологическая морфология тюркских языков. М., 1979.
- Гаркавец 2000 – *О.М. Гаркавец*. Урумский словарь. Алма-Ата, 2000.
- Гаркавец 1999 – *О.М. Гаркавец*. Уруми Надазов'я: Історія, мова, казки, пісні, загадки, прислів'я, писемні пам'ятки. Алма-Ата, 1999.
- Гузов, Насилов 1981 – *В.Г. Гузов, Д.М. Насилов*. Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория» // Советская тюркология. 1981. 3.
- Касевич 1988 – *В.Б. Касевич*. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
- Кононов 1941 – *А.Н. Кононов*. Грамматика турецкого языка. М.; Л., 1941.
- Мельчук 1998 – *И.А. Мельчук*. Курс общей морфологии. Т. II. Ч. 2: Морфологические значения. М.; Вена, 1998.
- Муравьева 2004 – *И.А. Муравьева*. Типология инкорпорации. Дис. ... докт. филол. наук. М., 2004.
- Николаева 1990 – *Т.М. Николаева*. Определенности – неопределенности категория // Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н. Ярцева. М., 1990.
- Нилсон 1987 – *Б. Нилсон*. Определенность и референтность в связи с аккузативом в турецком языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIX: Проблемы современной тюркологии. М., 1987.
- Плунгян 1994 – *В.А. Плунгян*. К проблеме морфологического нуля // Знак: Сб. статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А.Н. Журина. М., 1994.
- Плунгян 2000 – *В.А. Плунгян*. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000 (2-е изд. – М., 2003).
- Поздняков 2001 – *К.И. Поздняков*. Корреляция маркированности и нейтрализации у синкретичных знаков // Труды факультета этнологии СПб. ун-та. Вып. 1. СПб., 2001.
- Поздняков 2005 – *К.И. Поздняков*. Нейтрализация, кумулятивный знак и субморфный уровень языка // Язык и речевая деятельность. СПб., 2005.
- ПОЯМ 1976 – Принципы описания языков мира / В.Н. Ярцева, Б.А. Серебренникова (ред.). М., 1976.
- Серебренников, Гаджиева 1986 – *Б.А. Серебренников, Н.З. Гаджиева*. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1986.
- Тенишев 2002 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / Э.Р. Тенишев (ред.). М., 2002.
- ЯМ 1997 – Языки мира. Тюркские языки. М., 1997.
- Якобсон 1985 – *Р.О. Якобсон*. Избранные работы. М., 1985.
- Aissen 2003 – *J. Aissen*. Differential object marking: Iconicity vs. economy // Natural language and linguistic theory. 2003. 21.
- Bossong 1985 – *G. Bossong*. Empirische Universalienforschung. Differentielle Objektmarkierung in der neuiranischen Sprachen. Tübingen, 1985.
- Bossong 1991 – *G. Bossong*. Differential object marking in Romance and beyond // D. Wanner, D. Kibbee (eds.). New analyses in Romance linguistics. Selected papers from the XVIII linguistic symposium on Romance languages. Amsterdam, 1991.
- Enç 1991 – *M. Enç*. The semantics of specificity // Linguistic inquiry. V. 22. № 1. 1991.
- Givón 1978 – *T. Givón*. Definiteness and referentiality // Universals of human language. V. 4: Syntax. Stanford, 1978.
- Knecht 1985 – *L.E. Knecht*. Subject and object in Turkish. Cambridge (Mass.), 1985. <http://theses.mit.edu>
- Mohanan 1990 – *T. Mohanan*. Arguments in Hindi. Ph. D. Diss. Stanford, 1990.
- Moravcsik 1978 – *E.A. Moravcsik*. Case marking of objects // Universals of human language. V. 4: Syntax. Stanford, 1978.
- Rodriguez-Mondoñedo 2006 – *M. Rodriguez-Mondoñedo*. The acquisition of differential object marking in Spanish. University of Connecticut, 2006 (manuscript).